

ИКОМОС

и отечественная практика сохранения культурного наследия

Важнейшие особенности

В год 40-летнего юбилея со дня основания ИКОМОС¹, оценивая его значение и вклад в сохранение мирового культурного достояния, нельзя не вспомнить существенные характеристики, которые выделяют эту международную организацию из ряда других институций, занятых сохранением наследия:

- *ИКОМОС* — одна из старейших и наиболее авторитетная международная организация по охране культурного наследия с разветвленной организационной структурой, юридической базой, традициями и доктринами;
- *ИКОМОС* — неправительственная организация, что исторически означало относительно малую степень ее политической ангажированности, и следовательно, способность к проведению независимой научной экспертизы (на чем до сих пор и держится авторитет ИКОМОС);
- *ИКОМОС* — профессиональная научная организация, разрабатывающая теорию, методологию, этику и доктрину консервации, в т. ч., многочисленные хартии, адресованные специалистам из разных областей реставрационной деятельности. В этом заключается важнейшая особенность и ценность ИКОМОС. Главный нормативный документ, выработанный этой организацией — *Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест*, более известная в мире как *Венецианская хартия* (1964), — одновременно является значимым документом общественного и социального звучания;
- *ИКОМОС* обладает разветвленной сетью специализированных научных комитетов. Имея в середине 1970-х гг. в своем составе всего лишь пять научных комитетов, к настоящему времени организация насчитывает их более двадцати: «Камень», «Дерево», «Витражи», «Подводная археология», «Культурный туризм», «Исторические города и поселения», «Законодательство», «Документация», «Настенные росписи», «Наскальное искусство», «Подготовка специалистов», «Наследие XX века» и др.

¹ *ИКОМОС* — Международный совет по охране памятников и исторических мест.

- *ИКОМОС* обеспечивает коммуникации между ведущими специалистами мира из различных областей знаний, связанных с сохранением культурного наследия. По сути дела, — это огромная «адресная книга», сеть профессионалов, в которой аккумулируется колоссальный научный и практический опыт;
- *ИКОМОС* с начала 1970-х гг. выступает в качестве ведущей экспертной научной организации ЮНЕСКО по Всемирному культурному наследию. Центр документации ЮНЕСКО, в котором сосредоточена информация по всем номинациям Всемирного наследия, находится в штаб-квартире ИКОМОС в Париже.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в последнее десятилетие ситуация постепенно меняется; обнаруживая некоторые тревожные тенденции. Будучи в 1960-1970-е гг. самой значимой структурой в области охраны культурного наследия, с конца 1980-х гг. ИКОМОС теряет свою доминантную роль и постепенно «растворяется» среди вновь возникающих международных организаций. И все же, благодаря своему авторитету и участию в экспертизе по программе ЮНЕСКО *Всемирное наследие*, ИКОМОС по сей день продолжает выполнять свою «стволовую» функцию в международном охранном процессе, хотя с другой стороны, некое «сращение» с Комитетом по Всемирному культурному наследию таит угрозу постепенной утраты его специфики и автономности. На этом фоне ИКОМОС постепенно трансформируется в геополитическую организацию, и, следовательно, теряет научную независимость.

Из истории становления

В послевоенный период, когда обнаружились серьезные научные и методические проблемы в области сохранения наследия, остро встал вопрос о необходимости создания международной организации в этой сфере. В 1956 г. ЮНЕСКО приступил к созданию в Риме международного центра исследований в области консервации и реставрации культурной собственности (ИККРОМ)². В 1957 г. в Париже был проведен I Международный конгресс архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам, завершившийся приглашением итальянского правительства провести II конгресс в Венеции (на острове Св. Георгия, в помещении фонда Giorgio Zini). В мае 1964 г. II конгресс принял 13 резолюций, первая из которых представляла текст Венецианской хартии, а вторая (поступившая от ЮНЕСКО) инициировала создание *Международного Совета по памятникам и достопримечательным местам* — ИКОМОС (1965, Варшава-

² ICCROM - International Centre for the Study of the Preservation and Restoration of Cultural Property.

Краков). Выбор Польши в качестве места для создания международной организации нового типа был своеобразным символом послевоенного времени, данью уважения Варшаве, восстановленной после жесточайшего разрушения, а также польским специалистам по культурному наследию, в их числе Станиславу Лоренцу (Stanislaw Lorentz) и Яну Захватовичу (Jan Zachwatowicz). Небольшая рабочая группа в составе Пьеро Гаццолы (Piero Gazzola), Раймона Лэмера (Raymond Lemaire), сыгравших ведущую роль в основании ИКОМОС, и Поля Филиппо (Paul Phillipot) из ИККРОМ подготовили текст хартии, подписанной 22 экспертами, преимущественно европейцами. Советского представителя среди них не было, хотя делегация отечественных специалистов присутствовала в Венеции. Вплоть до сегодняшнего дня Венецианская хартия и ИКОМОС — неразрывно связанные явления. В качестве места штаб-квартиры новой организации были предложены Мадрид, Брюссель, Венеция и Париж. Решающей оказалась телеграмма известного французского писателя и государственного деятеля, в то время министра культуры Франции Андре Мальро, подтвердившего готовность Парижа взять на себя расходы по содержанию дирекции ИКОМОС и реставрации известного здания в историческом квартале Марэ (Hôtel Saint Aignan на улице Тампль, 75), предложенного в качестве резиденции. Эти аргументы (вкуче с местонахождением в Париже ЮНЕСКО) сыграли определяющую роль.

Следует также подчеркнуть, что у основания ИКОМОС стояла духовная элита Европы, аристократы в прямом смысле слова. Исторически наследием всегда занимались люди высочайшей духовной организации, как это было во Франции, Италии, Англии, России в XVIII — начале XX вв. Сейчас ситуация сильно изменилась, устойчивые позиции в деле сохранения наследия все более занимают коммерция и бизнес.

Отечественный вклад

С момента возникновения ИКОМОСа осязимо активное присутствие России (СССР), воспринимавшееся как дань уважения к многонациональной русской культуре, огромной стране, победившей во Второй мировой войне. В.Иванов, вице-президент ВООПИК³, был избран в 1965 г. сначала вице-президентом Первой Генеральной Ассамблеи ИКОМОС, состоявшейся в Польше, а затем — вице-президентом ИКОМОС (повторяя успех в течение трех сроков). А. Халтурин, чиновник высокого ранга, был назначен первым президентом Советского комитета ИКОМОС. Среди его членов были крупнейшие ученые и известные специалисты в области истории архитектуры, археологии, охраны наследия, а также чиновники разных уровней, представлявшие

³ ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

республиканские органы охраны наследия: А. Бунин, М. Дэвлет, Й. Глямжа, И. Маковецкий (отец), Е. Микулина, М.И. Мильчик, В. Орфинский, Г. Пугаченкова, В. Седов (последний президент Советского комитета), И. Семенова, Ф. Томпс, Ш. Фатуллаев, И. Цицишвили, О. Швидковский (многолетний президент Советского комитета), В. Янин и многие другие. Деятельность Советского комитета ИКОМОС, его финансирование и контроль осуществлялись в рамках Министерства культуры СССР. По-существу, это была закрытая организация, численность которой не превышала 25 чел.

С дистанции сегодняшнего дня Советский комитет ИКОМОС образца 1965-1990 гг. может рассматриваться как один из важнейших каналов поступления в страну новейшей методологии и доктрин консервации. Публикация научных монографий, сборников статей и докладов, международных хартий, проведение конференций, посвященных тематике, созвучной современной мировой теории и практике, являлись следствием непосредственного участия советских специалистов в работе ИКОМОС, хотя и носило ограниченный характер. Вне сомнения, это был ценный научный и методический вклад, служивший делу сохранения отечественной культуры и ее памятников. Специально следует отметить создание в Институте искусствознания по инициативе О. Швидковского Сектора Свода памятников, появившегося в результате дискуссий и решений, принятых в 1972 г. на конференции в Праге. Значимость работы этого подразделения, на протяжении более трех десятилетий выполняющего натурное изучение, паспортизацию, научные исследования памятников практически по всей территории России, трудно переоценить.

Вершиной организационной деятельности Советского комитета, по праву, может считаться подготовка и проведение V Генеральной ассамблеи ИКОМОС, которая состоялась в Москве и Суздале в 1978 г. На этой ассамблее произошло историческое событие — утверждение статута (устава) ИКОМОС, на основании которых до сего дня осуществляется вся деятельность этой организации. В Москве А. Халтурин был избран вице-президентом ИКОМОС. На этом форуме происходило интенсивное общение отечественных специалистов с зарубежными, подтвердившее высокие стандарты классической школы русской реставрации, пережившей (в отличие от многих других стран) полосу беспрецедентных сносов памятников в конце 1920-1930-х гг., а также тяжелый послевоенный восстановительный период. Международным специалистам был предъявлен Закон об охране памятников, впервые принятый в 1976 г. и специально для ассамблеи опубликованный на английском языке. Кроме того, иностранные гости могли ознакомиться с итогами реставрации и реабилитации Суздаля, служившего на тот период времени примером образцового сохранения и поддержания малого исторического города

в СССР. Международный авторитет отечественной школы реставрации укрепился, что имело, безусловно, не только научное, но и политическое значение. Сказывалось влияние оттепели.

В 1979 г. был учрежден *Приз Гацоллы*, который вручают членам ИКОМОС за выдающийся вклад в дело сохранения культурного наследия. Советский комитет проектировал и отливал первую медаль этого приза. Следующую, VI Генеральную ассамблею, состоявшуюся в 1981 г. в Риме, открывал А. Халтурин. В. Иванов был избран почетным членом ИКОМОС, а Й. Глямжа — его вице-президентом, на посту которого находился до 1990 г. В 1990—1996 гг. в члены Исполнительного комитета дважды избиралась Н.О. Душкина. По существу, в течение 30 лет со дня основания ИКОМОС, до 1996 г., наша страна постоянно входила в его руководящие органы, подтверждая тем самым статус державы, обладающей выдающейся культурой и международным авторитетом.

В целом следует отметить, что в 1970—1980-е гг. (не без влияния ИКОМОС) были укреплены позиции российской реставрации (в дореволюционный период шедшие вровень с европейской). Сложилась знаменитая реставрационная школа С. Подъяпольского, выпускника ИККРОМ (хотя в ИКОМОС он не состоял), впоследствии закрепившая успех публикацией фундаментального учебника европейского класса — «Реставрация памятников архитектуры», выдержавшего два издания (1988 и 2002 гг.).

Важно отметить, что понятие *новодел* в тот период времени рассматривалось как исключение и носило почти что одиозный характер, что было созвучно мировой практике научной реставрации. Для понимания и популяризации современных принципов теории и практики выдающуюся роль сыграла главная доктрина ИКОМОС — Венецианская хартия. Ее русский перевод впервые был опубликован в 1974 г. (по всей видимости, был сделан Б. Михайловским). Новый перевод (к 25-летию ратификации хартии) был предпринят автором этих строк (при консультации с С. Подъяпольским), в результате чего были существенно уточнены некоторые термины и значения.

Доктрины и хартии

Текст Венецианской хартии отметил своим появлением в 1964 г. принципиально новый этап в истории сохранения архитектурного наследия, и по своей значимости сам по себе является памятником. Вплоть до сегодняшнего дня Венецианская хартия представляет собой теоретическую доктрину и этический кодекс профессионального мирового сообщества реставраторов. Она прошла проверку временем и неоднократно подтвердила свой высокий научный статус.

В Венецианской хартии устанавливалось пять принципов, суммирующих положения ее 16 статей:

- подчеркивался приоритет концепции *исторического сооружения*, понимаемого расширительно — от отдельного памятника к группе сооружений, городской и сельской среде;
- утверждались принципы *консервации*, которые распространялись как на сам памятник, так и на его окружение. Проводилась идея необходимости сохранения памятника *in situ*;
- *реставрация* провозглашалась исключительной мерой. При этом *реконструкция* как таковая не допускалась: «всякая реконструкция должна быть исключена *a priori*». Выдвигалось требование всемерного уважения к *подлинности* структуры сооружения и его материала (памятники должны быть переданы будущим поколениям «во всем богатстве их подлинности»). Этот принцип распространялся и на наслоения различных эпох. При любом вмешательстве не допускалась фальсификация исторической и художественной документальности памятника;
- работы, связанные с консервацией памятников археологии, должны выполняться только специалистами в этой области. Реабилитация археологического участка не должна наносить урон, искажать смысл и значение памятника;
- любые действия должны сопровождаться составлением точной документации и публикациями.

В дальнейшем многие позиции получили свое развитие в серии международных хартий ИКОМОС, дополнивших текст Венецианской хартии в соответствующих областях. Среди них *Флорентийская хартия по охране исторических садов* (1982), *Международная хартия по охране исторических городов* (1987), *Международная хартия по охране и использованию археологического наследия* (1990), *Нарский документ о подлинности* (1994) и др. (в том числе по культурному туризму, народной архитектуре, подводной археологии, обучению специалистов, кодексу этики и т.д.) Как правило, все эти документы разрабатывались научными комитетами ИКОМОС, а некоторые при непосредственном участии ИККРОМ.

К этому следует добавить ратификацию *Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия* (ЮНЕСКО, 1972), играющей роль программного документа в международной превентивной теории и практике. В соответствии с этой конвенцией, каждая номинация памятника, предлагаемая для включения в Список

Всемирного наследия, должна пройти «тест на подлинность» с точки зрения её поддержания в материале, замысле, мастерстве исполнения и окружении. В связи с этим устанавливалась иерархия действий для максимально возможного сохранения подлинности — *поддержание, консервация, укрепление, реставрация, реконструкция*, перечисленные в порядке нарастания их деструктивного воздействия на сооружение.

По сей день, положения конвенции и связанная с ней методология представляют собой действенные принципы международной консервации. Список Всемирного наследия, включающий в себя более шестисот номинаций, — прямое тому подтверждение.

Новая реальность наследия

Сегодня сложилась парадоксальная ситуация. Россия стоит на пути демократических преобразований, является частью мирового сообщества, входит во многие международные организации — Совет Европы, «Большую восьмерку»; намерена присоединиться к ВТО, Болонскому процессу и т.д. Нет железного занавеса эпохи Советского комитета ИКОМОС. Российский комитет ИКОМОС стал открытой, многочисленной организацией, имеющей несколько региональных подразделений. Появилась реальная возможность свободного перемещения и широкого натурального ознакомления с памятниками и историческими городами по всему миру, обмена опытом и сотрудничества со специалистами разных стран. И, в тоже время, Россия никогда не была так далека от научных принципов и методов, которые декларируются ИКОМОС, и от соблюдения положений международных хартий по сохранению культурного наследия.

Прежде всего, это касается концепции подлинности. Происходит игнорирование этого понятия, как в отношении отдельного сооружения, так и городской ткани в целом. Наблюдаются многочисленные утраты подлинности практически по всем перечисленным выше параметрам.

Наблюдается расцвет метода реконструкции (минимизированной ИКОМОС и международной практикой) и искажение его понятия в рамках научной реставрации. В сегодняшней Москве все, что сооружается и реставрируется в историческом ядре города, начиная с репродукции утраченных памятников, проектов перестройки целых исторических кварталов и зданий, кончая амбициозными архитектурными проектами в буферной зоне Кремля, обозначается одним безразмерно «резиновым» словом — *реконструкция*. Фактически, произошло перерождение теоретических принципов, закрепленных в научной реставрации по отношению к этому виду профессиональной деятельности. Процветает снос исторических зданий и производство их макетов в

натуральную величину, выполненных иногда без исчерпывающего документального обоснования, несущих в себе элементы гипотетического характера, которые искажают первоначальный авторский замысел. Вызывает беспокойство количественный рост воспроизводимых зданий, постепенно выводящий историко-архитектурную среду за рамки понятия «наследие» и обесценивающий подлинники памятники. Современный исторический центр Москвы представляет собой яркий пример подобного дисбаланса.

На этом фоне происходит угасание принципов научной реставрации, девальвация профессии реставратора и замещение её архитектурной деятельностью.

Закономерен ли этот процесс? Как к этому следует относиться — как к определенному злу или неизбежности? Должны ли мы признать сегодня, что время «великих идей» и «героев», заложивших основополагающие принципы научной реставрации и международных доктрин, на которых выросло несколько поколений профессиональных специалистов XX века, подошло к концу, и наступила эпоха коммерциализации наследия? Должны ли мы говорить о существующем вакууме в современной философии консервации, или мы являемся свидетелями смены реставрационных циклов?

С одной стороны, разделяя положения современных научных концепций и международных хартий, будучи многолетним членом ИКОМОС, рассматриваю эти явления как зло. В то же время, нельзя отгородиться от кардинальных изменений в окружающем мире, имеющих глобальный характер, в котором антикизирующее (консервативное) сознание, присущее реставрационной профессии, стало входить в конфликт с новой реальностью, отмеченной сверхскоростными потоками информации и системами коммуникаций. Небывалый ранее натиск сверхмощных темпов, ощущение «спрессованности» времени и «сжатости» пространства вступили в противоречие с как бы «замедленной» историко-архитектурной средой, в которой человек должен осваивать новую временную реальность. Стала особенно заметна асинхронизация жизненных ритмов — статичных у наследия и стремительных, динамичных у жизненных процессов, протекающих в его рамках. Вновь, на новом историческом этапе и в новом качестве, происходит заметная «сдвигка» этих двух пластов относительно друг друга, как это уже было в последней четверти XIX века.

Знаков, свидетельствующих об этом, вполне достаточно. Внешняя, операционная сторона, подверженная быстрым изменениям, начинает превалировать над содержанием. Факты и визуальные образы берут верх над концепциями. Как следствие, усиливаются процессы унификации, стандартизации и упрощения. Высокие скорости информационных потоков и смены визуальных образов приводят к фрагментации сознания, потере

целостности в восприятии окружающего мира. В результате чрезмерной визуализации целостность культуры распадается на мозаичные фрагменты.

В мировой консервации, последнее десятилетие было ознаменовано появлением таких ключевых слов и функций как «креативность», «движение», «развитие», что свидетельствует о достаточно быстро происходящих качественных изменениях как в самом наследии, так и в отношении к нему. Сегодня можно констатировать: если на всем протяжении истории реставрации сознательно формировалась интровертная (закрытая) консервативная система, находившаяся в строгих рамках научных принципов и теории подлинности, то сейчас просматривается тенденция к ее постепенному раскрытию, «разгерметизации», отмеченная стремлением к подвижности и гибкости критериев. Классический аппарат научной реставрации (как, впрочем, и школы классического искусствознания), сложившиеся во второй половине XIX в. и эволюционировавшие на протяжении длительного времени, на исходе XX столетия стали подвергаться процессам мутации, а подчас, и девальвации.

Вспоминая знаменитого итальянского философа наследия Бенедетто Кроче, который задавался мучительным вопросом «что делать?» — «Как нам двигаться навстречу новой жизни, как создавать новые формы деятельности, не покидая прошлого и не оказываясь над ним?» — нельзя не признать мудрости его заключения. Только посредством «мысли», которая превращает наши отношения с прошлым в интеллектуальную проблему, в знание.

Смею предположить, что сегодня мы стоим на пороге новой эпохи в истории архитектурной реставрации, и, вероятно, пройдет не одно десятилетие, прежде чем удастся вновь получить ясную картину в отношении наследия и современных методов его сохранения.

Есть ли в этом контексте у нашей страны свой путь? Это один из вопросов, на которой сегодня предстоит ответить, не забывая о том, что культура России всегда была частью европейского культурного пространства.